Часть 3. Глава 5
Жизнь в пасторате прихода Ряяпювя (1917-1930)

К моменту прихода к власти большевиков семья пастора, состоящая из четырех человек, проживала в маленьком пасторате прихода Ряяпювя. Дочери Инкери было тогда семь лет, а родившемуся 23.2.1915 сыну Аарре Йоханнесу всего два года. Кроме того, в семье жила также незаменимая помощница во всем - сестра пастора, тетя Мари. Она была очень тихой женщиной и не слишком много общалась с деревенскими жителями, но, несмотря на это, прихожане любили ее.

Женская половина семьи занималась хозяйством, в хлеву содержались две коровы. Также на женщинах, главным образом, были сельскохозяйственные работы на небольшом участке земли, площадью с гектар, принадлежавшем пасторату. Находящийся постоянно в разъездах пастор очень редко участвовал в полевых работах. Все работы в поле приходилось делать самим, но пробст не хотел отказываться от земли, когда-то подаренной пасторату. Собственное хозяйство было также хорошим подспорьем в голодные годы так называемого «военного коммунизма» 1919-1921, и позднее, в первые годы начавшейся в 1929 году принудительной коллективизации, когда снова ощущалась нехватка продовольствия. Однажды в июле 1927 года пробст был дома во время сенокоса и сам косил сено. В результате этого он поранил руку и получил заражение крови, которое оказалось довольно серьезным. После этого случая пастора не просили участвовать в полевых работах. Руки женщин уже настолько огрубели от работы, что они и в поле справлялись сами.

В первые годы советской власти семья пастора жила среди множества проблем. В то время в стране была большая нехватка продовольствия, и людям приходилось питаться в основном одной картошкой и турнепсом. Тем, кто держал коров, нужно было отдавать все молоко, оставляя лишь по пол литра в день малолетним детям до 14 лет и хозяйке коровы.

В то время было много больных и умирающих от таких болезней, как, оспа, брюшной тиф, испанка, сыпной тиф. И этих больных также навещал настоятель. Когда он возвращался домой от одного больного, бывало, что возле дома его уже поджидали две другие повозки, чтобы отвезти к следующим страждущим.

Случалось и так, что, возвращаясь домой от больного, пастор встречал на пути прихожан, которые заезжали за ним, но не застали. Тогда он пересаживался в их повозку или в сани и отправлялся к следующему больному. Такие поездки продолжались изо дня в день, часто приходилось и ночью ездить. В 1919 году, исповедуя в больнице двух молодых людей, больных оспой, которые затем умерли, Ялмари Лауриккала заразился сам и серьезно заболел. У него поднялась температура до 41,1 градуса. Встревоженный врач сказал тогда супруге настоятеля: «Что я могу сделать? Он наверняка умрет, ведь у него такие слабые легкие и плохое сердце!». Однако ситуация вдруг приняла неожиданный оборот: больной стал постепенно выздоравливать. Позднее врач сказал Сайми Лауриккала, которая день и ночь ухаживала за мужем: «Произошло чудо! Медицина была совершенно бессильна помочь вашему мужу. Видимо, у Бога было какое-то важное дело для него, что Он позволил ему поправиться!». Верные прихожане навещали больного пастора, добывая для него нужные продукты где только могли. Примерно через месяц больной совершенно поправился, и от оспы не осталось никаких следов. В то же время дети пастора переболели коклюшем и корью.

Но впереди были новые испытания. Едва настоятель оправился от тяжелой болезни, его отправили копать окопы. Однако вскоре ему удалось освободиться от этой повинности. Такое же распоряжение получила и жена пастора. После многочисленных хождений по инстанциям ее также освободили от этой работы в связи с тем, что дети были еще слишком маленькие и не могли обходиться без матери.

Много огорчений и неприятностей доставлял лукарь прихода Ряпювя по фамилии Мааярви. Ранее уже было сказано о том, как этому человеку, постоянно конфликтующему с прихожанами, удалось сохранить свою должность, благодаря заступничеству настоятеля. В первые годы советской власти Мааярви подал заявление на должность лукаря в приход Валкеасаари (ныне Белоостров). Он был совершенно уверен, что получит ее, поскольку был единственным претендентом. Мааярви заранее сообщил приходу Ряяпювя, что уже не вернется в него. Однако обстоятельства сложились иначе. Мааярви не получил должности в Валеасаари, и попытался вернуться на свое прежнее место в приход Ряяпювя. Но на церковном собрании прихожане были настроены настолько однозначно отрицательно, что даже настоятель уже не смог защитить его. В результате многолетняя мечта прихожан Ряяпювя избавиться от своего строптивого лукаря, наконец, исполнилась.

Однако в следствие этого происшествия бывший лукарь стал злейшим врагом настоятеля. Мааярви, который стал все больше склоняться в сторону левых взглядов, начал строить различные козни, чтобы навредить настоятелю.

Вскоре вышло распоряжение о призыве Ялмари Лауриккала на военную службу, несмотря на то, что он был гражданином Финляндии. Прихожане встревожились и попытались помочь своему пастору. По совету знающих людей они написали заявление властям с просьбой оставить им настоятеля, поскольку его присутствие в приходе является необходимым. Это заявление за подписью многих прихожан было передано секретарю местного совета, который взялся заниматься этим вопросом. Ему удалось получить решение из официальных органов, расположенных в Шлиссельбурге, о том, что Лауриккала откомандирован обратно на должность пастора. Однако на призывной пункт пастору все же пришлось сходить. Там настоятеля прихода Ряяпювя признали годным к военной службе, несмотря на слабые легкие, однако тут же отправили обратно в приход. Таким образом, все обернулось даже к лучшему. Пастор остался служить в

приходе, а выданное ему официальное распоряжение делало его служение более безопасным.

* * *

Но трудности этого 1919 года на этом не закончились. Самое худшее еще было впереди. Когда неугомонный Мааярви увидел, что Лауриккала вернулся из Шлиссельбурга обратно на свою должность, он стал изобретать новые ловушки. Мааярви снова написал донос, но на этот раз уже не местным властям, которые уже знали его происки и оказали поддержку пастору, а в какие-то более высокие инстанции. В результате однажды июньским утром, в 5 часов утра, в пасторате появились трое мужчин: член местного совета, русский комиссар и солдат. Они спросили настоятеля. Услышав, что тот уехал в одну деревню навещать больного, двое из них отправились разыскивать пастора, а солдата оставили в пасторате. Мужчины встретили настоятеля на дороге и молча сопровождали его до дома. Там они сообщили Лауриккала, что он арестован и что в доме будет проведен обыск. Жену пастора, сестру и детей заперли на кухне, приставив к дверям солдата. Мария Лауриккала, сестра, была так потрясена происходящим, что у нее случился сердечный приступ. Полученные ею в результате этого проблемы с сердцем, усугубленные заболеванием легких, через пару лет привели к ее смерти.

Мужчины приступили к обыску, взяв с собой хозяина дома. Обыск был очень тщательным, искали, главным образом, оружие, которого однако в пасторате не было. Ялмари Лауриккала всегда говорил, что чувствует себя безопаснее без оружия, поскольку именно неосмотрительное использование оружия часто приводит к несчастьям. Были размотаны даже мотки ниток, припасенные хозяйкой для плетения ковров. Проверяющие надеялись найти в них спрятанные бомбы. Они перевернули все в доме, вывалили на пол вещи из шкафов и ящиков, обыскали также и все пристройки к пасторату. Лишь к вечеру обыск закончился.

В то время в пасторате проводились конфирмационные занятия. Комиссар приказал настоятелю объявить конфирмантам, что ни в этот день (а это было утро субботы), ни в понедельник обучения не будет. О том, когда можно будет продолжить занятия, будет объявлено дополнительно. Через конфирмантов информация об обыске у настоятеля быстро распространилась по приходу. Дошла она и до местного совета. Оттуда в пасторат пришли один член совета, сочувственно относящийся к церкви, начальник милиции и секретарь совета по фамилии Соколов. Позднее к ним присоединился и сам грозный руководитель совета Егоров. Секретарь долго говорил с руководившим обыском комиссаром: «Этот пастор хороший человек, видимо кто-то написал на него ложный донос». В результате бывший вначале довольно неприветливым комиссар смягчился. Он согласился даже на то, чтобы Лауриккала смог остаться переночевать в пасторате, где остались и проводившие обыск. Первоначально предполагалось отвезти арестованного ночевать в какую-то подземную тюремную камеру при вокзале.

Утром арестованного повезли. Вся семья пастора была в тревоге, ведь это мог быть последний путь отца семейства. Жена провожала арестованного мужа до вокзала, чтобы хотя бы в последний раз помахать ему рукой. Вернувшись домой расстроенная Сайми Лауриккала села читать Библию и ощутила удивительную уверенность в том, что муж будет спасен. Поэтому прихожане, которые пришли в пасторат утешать жену пастора, были удивлены тем, что встретили ее в радостном расположении духа и полную надежд.

Настоятеля прихода Ряяпювя отвезли в одну из промежуточных тюрем, расположенных в пригороде Ленинграда. Там уже сидело около 50 прихожан из Ряяпювя и Келтто. Местный совет, который знал о случившемся и был уверен в

невиновности Лауриккала, предпринял все возможные усилия, чтобы помочь ему. Совет отправил бумагу, где было написано, что совет берет настоятеля на поруки до тех пор, пока его дело не будет рассмотрено в суде. Утром секретарь Соколов прибыл в тюрьму и вручил это поручительство, которое было очень важным и имеющим вес документом, ответственному лицу. В бумаге говорилось также о том, что совет просит расследовать дело арестованного незамедлительно, поскольку «народ очень волнуется». Кроме того, Соколов рассказал историю взаимоотношений пастора и лукаря, убедительно показав, что арестованный стал жертвой ложного доноса Мааярви.

Поручительство совета, конечно, не смогло освободить настоятеля прихода Ряпювя из заключения, но оно значительно ускорило рассмотрение его дела. Обвиняемого вызвали на допрос уже вечером того же дня, когда он был доставлен в тюрьму, в то время как многие другие дожидались начала следствия месяцами. В обвинении было сказано, что арестованный организовал белогвардейское движение и распространял белогвардейские газеты, а также переписывался с Финляндией. Это были преступления, за которые в те времена люди могли лишиться головы. Также обвинение говорило и о Мааярви и его делах, и были упомянуты три свидетеля. По окончании допроса обвиняемому дали возможность прочитать протокол перед тем, как подписать его, и он подтвердил его правильность. После этого между следователем, который проявил себя гуманным человеком, и обвиняемым состоялся разговор. Следователь указал на то, что пастор молился за войну и царя, что уже является антинародным деянием. Пастор защищался, говоря, что он молился лишь о том, чтобы Бог дал войне закончится таким образом, чтобы через это прославилось Его имя и народ получил благословение. Следователь обещал на следующий день сообщить о результатах расследования, после чего Лауриккала под конвоем был отведен обратно в камеру, где уже сидели семеро других финнов.

Пока настоятель прихода Ряпювя находился в тюрьме, его прихожане не сидели сложа руки. Представители прихода обратились в местный совет с требованием созвать собрание по этому вопросу в центральной деревне Хува, а также вернуть им их пастора. Собрание было созвано, и на него собралось много людей, которые были сильно взволнованы. В конце руководитель совета Егоров, известный, как очень суровый человек, сказал: «Мне-то пастор пока не нужен, но если он нужен вам, то конечно я постараюсь оттуда его вызволить. Если он завтра сам не вернется, то я начну что-то предпринимать». В то время местные советы еще обладали достаточно большой властью и прислушивались к голосу народа, позднее ситуация изменилась.

По поручению жены пастора церковный алтарщик принес в воскресенье продукты для настоятеля, однако его не допустили дальше комнаты комиссара. Алтарщику сказали, что пастор скоро выйдет, и он остался ждать. Около 18 часов Лауриккала действительно появился, и ему сообщили, что он может идти домой. Условием освобождения было то, что он не должен будет в течение месяца покидать свою деревню. Также по первому требованию Лауриккала должен был вернуться в тюрьму. Однако Лауриккала отказался покидать тюрьму без бумаги об освобождении, которую ему в конце концов выдали. Товарищи по камере, среди которых было много его прихожан, радовались его освобождению. Один прихожанин из Келтто говорил так: «Нам будет легче здесь оставаться, если вы выйдете на свободу и сможете утешать наших жен и детей». Вечером в воскресенье настоятель и алтарщик отправились домой. На вокзале во Всеволожске, который рядом с главной деревней прихода, пастор зашел к секретарю Соколову, чтобы сообщить ему об освобождении, и что совету не нужно

уже предпринимать каких-то действий.

Месяц прошел спокойно. После этого Лауриккала был вызван, чтобы забрать те письма, фотографии, карты и книги, которые были у него конфискованы во время обыска. Все, кроме карт, он получил обратно. Кроме того, ему дали добрый совет не хранить у себя разные письма, которые могут принести неприятности.

В конце лета того же 1919 года в пасторате был проведен еще один обыск силами восьми вооруженных людей. Снова весь дом, вплоть до чердака и внешних построек, был перевернут с ног на голову. Снова искали оружие. А поскольку ничего запрещенного не нашли (хотя по мнению одного из проверяющих, в доме было слишком много спичек), а также потому, что в этот раз доноса не было, обитатели пастората отделались лишь испугом.

* * *

1923 год стал особенно тяжелым и тревожным для обитателей пастората. Настоятеля вызвали на печально известную Гороховую, 2. Обычно вызов туда был равносилен смертному приговору. Там пастора обвинили в том, что он обучает религии детей, что было запрещено. Обвинение было основано на выражении одного из церковных работников, который не смог подобрать правильных слов. Лауриккала решительно отверг обвинение, потому что не обучал детей религии. Следователь, и так и сяк искажая факты, заявил в конце концов, что обвиняемый сознался. Лауриккала ответил, что не признает за собой вины, сказав: «Однажды наступит такой суд, перед которым предстанет каждый из нас... и тогда обнаружится настоящая правда». Когда допрос, наконец, закончился, обвиняемый думал, что впереди его ждет смерть. Однако его отпустили, пригрозив на прощанье тем, что однажды заставят все же признаться. И настоятель отправился домой. Супруга пастора так описывает дальнейшие события: «Хотя его и выпустили тогда из тюрьмы, ситуация была крайне напряженная. Тогда милиция ходила по домам, вызывая на допросы либо в местное отделение, либо в Ленинград в криминальный отдел. И с тех пор муж всегда чувствовал волнение, когда возвращался из поездок домой, потому что не знал какая на этот раз повестка ждет его дома... Мы жили в постоянном напряжении, которое временами так накалялось, что я взывала: «Бог мой, неужели Ты оставил меня?»

Несколько лет прошли относительно спокойно. Это были времена НЭПа (1921-1927), когда власти не сильно вмешивались в деятельность церкви, если она не выходила за рамки разрешенного. У пробста было очень много работы и поездок. Времени не хватало, и иногда приходилось работать даже ночью. Конечно, возникали и неприятности, ведь он был руководителем церкви, поэтому именно в его адрес направлялись все обвинения, касающиеся церкви.

* * *

Но давление со стороны безбожников нарастало, что не могло не сказаться и на жизни руководителя церкви. 1927 год, начавшийся с безобидной поездки за литературой, превратился в конце концов в очень тяжелый и полный драматических событий период.

Целью упомянутого ранее устроенного большевиками диспута с верующими было заставить Лауриккала заговорить о политике, чтобы иметь повод затем лишить его должности. Однако эта попытка провалилась. Рассказывают, как один из колтушских учителей-большевиков говорил после того диспута: «Мы уже повыгоняли отсюда всех негодяев. Неужели нам этого последнего не выгнать, этого пастора?»

И, видимо по инициативе именно этого учителя, была предпринята новая попытка обвинить пастора, используя в качестве повода его поездку за

«мракобесной литературой» в конце 1926 - начале 1927 года. Как только Лауриккала вернулся с диспута домой, он получил повестку на допрос в ГПУ. Однако местный совет помог пастору, договорившись, что он поедет на допрос после праздников, потому что это был канун Пятидесятницы. Допрос был серьезным, но достаточно объективным, и Лауриккала снова был отпущен домой.

А трудности тем временем принимали все новые формы. Через некоторое время Лауриккала был вызван в отдел иностранных дел, где ему объявили, что его разрешение на пребывание, которое заканчивалось через два месяца, больше продлеваться не будет. Лауриккала сообщил об этом консистории и своим приходам. В то время он служил пастором в приходах Ряяпювя, Келтто, Туутари и Хиетамяки, а также в финском и эстонском приходах Ленинграда. Из первых четырех вышеупомянутых приходов была снаряжена делегация в Москву для решения этого вопроса. Семь мужчин отвезли в высшие органы власти прошение, подписанное тысячами прихожан. Однако и после этого вопрос оставался открытым, и даже на запрос консистории не было получено прямого ответа. Когда срок разрешения на пребывание подходил к концу с помощью Консульства Финляндии Лауриккала удалось получить еще две недели. На посланный после этого новый запрос ответа не было получено, и в ожидании этого ответа Лауриккала продолжал, как обычно, объезжать приходы Ингерманландии.

Но однажды в октябре этим поездкам был положен внезапный конец. В ту пятницу в пасторате снова проводили обыск, и все имущество было тщательно описано. Настоятелю объявили, что он арестован. Когда нужно было уже отправляться в путь, комиссар заявил, что поедет в Ленинград на лошади. А арестованный должен будет идти пешком рядом с ним весь этот путь, около 16 километров, да еще и нести свою поклажу. После многочисленных уговоров комиссар все же согласился отвезти арестованного в отделение милиции на вокзале, расположенном в двух километрах, а оттуда отправить в Ленинград поездом.

Арестованный пастор уходил из дома абсолютно спокойным. В утешение он сказал: «Они могут уничтожить мое тело, это единственное, что они могут сделать. Тогда я скорее попаду домой, к Небесному Отцу». Супруга осталась дома в большой тревоге и уже на следующий день отправилась на поиски мужа. Она обошла несколько тюрем, где ей давали очень уклончивые ответы. В конце концов, она нашла своего мужа в тюрьме Урицка (ныне Лигово). Там Сайми Лауриккала встретила также двух прихожан, которые тоже искали своего пастора.

Пробыв два дня в тюрьме Лауриккала был отвезен в отдел иностранных дел, где выдавались разрешения на поездки и пребывание. Там ему сообщили, что его отпустят, если он в письменной форме пообещает покинуть страну в течение 48 часов. В противном случае он останется в тюрьме. Лауриккала был вынужден согласиться. Представитель отдела сказал, что Лауриккала не обвиняют ни в каком преступлении, однако он отказался выдать письменное подтверждение этого. Вместо этого Лауриккала получил разрешение сообщить своим прихожанам, что его не обвиняют в каком-либо преступлении, но ему предписано покинуть страну.

31 октября пробст Лауриккала вернулся из тюрьмы вместе со своей супругой домой в Ряяпювя. На следующий день во вторник, в День Всех Святых, он снова отправился в Ленинград за визой. На своей городской квартире он встретил двух прихожан из тех, которые ездили в Москву с заявлением. Они написали прошение о том, чтобы Лауриккала снова мог приехать в Ингерманландию, чтобы он получил разрешение. Лауриккала со своей стороны приписал, что готов вернуться, если получит указанное разрешение. В тот же вечер в 20 часов, в первый день ноября, пробст проводил богослужение в родной церкви в Ряяпювя. Шел мокрый снег,

люди брели по снежным заносам и слякоти. У многих в руках были свечи, и свет этих бесчисленных огоньков был виден издалека. Информация о высылке пастора распространилась в приходе молниеносно, и народ наполнил церковь. Многие пришли с детьми. Служение продлилось до полуночи. В тот день пастор еще венчал пару и крестил детей. После богослужения часть прихожан пришла в пасторат, чтобы в последний раз помолиться вместе со своим пастором.

Согласно установленному порядку Лауриккала должен был в тот же день проводить еще одно богослужение в Хиетамяки. Но в данной ситуации это оказалось невозможным, поэтому он послал туда одного проповедника, который должен был отвезти прощальное письмо пастора приходу. Сайми Лауриккала пишет, что когда проповедник читал это письмо «в церкви начался такой плач и стенания, что последних слов уже никто не мог расслышать. После окончания речи люди наполнили сакристию, каждый хотел самолично увидеть письмо моего мужа. Все хотели переписать его для себя на память. Эта бумага переходила в приходе из дома в дом, пока наконец не вернулась ко мне, грязная и надорванная». В письме было сказано следующее:

«Дорогому приходу Хиетамяки!

Благодать вам и мир от Бога! Я вынужден сообщить Вам, что в прошлую субботу меня арестовали, а сегодня выдали распоряжение о том, что в течение 48 часов, то есть до 2 часов дня среды 2 ноября, я должен покинуть Советский Союз, но не как преступник, а как невинный человек. По этой причине я не смог приехать к Вам проводить богослужение во вторник. Поэтому проповедь в Вашей церкви в этот раз прочтет этот посланник. Я хочу препоручить всех Вас, больших и малых, старых и молодых, милости Великого Бога и Его силе! Пусть во всех ситуациях Вашей жизни главными будут слова Иисуса: «Ищите прежде Царства Божьего и славы Его, а все остальное приложится», а также во имя Иисуса следующие слова Исайи: «Не бойся, ибо Я с тобой, не смущайся, ибо Я — Бог твой. Я укреплю тебя и помогу тебе, и поддержку тебя десницею правды Моей».

Я верю, что мы однажды увидимся с Вами, если не здесь, то у престола Агнца в вечности, омытые Его кровью.

Дорогие мои прихожане! «Подвизайтесь добрым подвигом веры, держитесь вечной жизни, к которой вы и призваны». Молитесь за меня, я также буду вспоминать о Вас в своих молитвах. Да пребудет Господь с Вами!

31.10.1927.

Ваш С.Я.Лауриккала»

Когда пастор с семьей возвратился из церкви в тот прощальный день, там ждал их посланник, который принес добрую новость. Консульство Финляндии просило передать Лауриккале, что по просьбе посла Финляндии Антти Хакцеля Москва выдала пастору разрешение на продление пребывания еще на год! И ему нужно лишь поехать в Ленинград на следующий день и урегулировать этот вопрос. Полный радости и надежды Лауриккала поехал на следующий день в Ленинград. В Генеральном Консульстве подтвердили хорошее известие. Наученный горьким опытом Лауриккала хотел получить подтверждение также и в отделе иностранных дел, который и выдал распоряжение о высылке. Из Генерального консульства позвонили туда и попросили ответа. Однако там о новом разрешении на пребывание для Лауриккала ничего не знали, но обещали запросить Москву. Когда через некоторое время из консульства снова позвонили в отдел, там сказали, что у них сломался телефон, и они не могут дозвониться до Москвы. Теперь главное было не совершить опрометчивой ошибки. Сотрудники консульства считали, что Лауриккала может остаться в стране на основании продления разрешения на пребывание, однако сам пастор придерживался иного мнения и считал, что ему

все же придется уехать.

Времени совсем не оставалось. На часах было уже 11 часов, а отпущенное время заканчивалось в 14 часов этого же дня. Кроме того, нужно было еще многое успеть сделать. Пастору все же удалось успеть на поезд, который прибыл в пограничный пункт Валкеасаари за 20 минут до окончания отпущенного времени. Поскольку подходящих поездов долго не было, он смог выехать оттуда лишь в 19 часов вечера. За это время на станцию прибыло много других поездов из Ленинграда, но ни с одним из них не пришло известие об отмене решения о высылке. На вокзале в Ленинграде пастора провожали друзья, и на вокзал во Всеволожске попрощаться с ним собралось большое количество прихожан. Супруга и двое друзей провожали пастора до пограничного пункта Валкеасаари и ждали там, пока не пришел финский поезд.

* * *

Весть о высылке пробста Лауриккала вызвала бурю возмущения среди ингерманландских финнов, о которой один из прихожан написал так: «Не могу выразить словами то негодование, тот плач, то стенание, то волнение народа, которые вызвало извести о случившемся! В церкви прихода Ряяпювя пробст сам проводил прощальное богослужение, в церкви Хиетамяки в то же самое время зачитывал приходу послание пробста. Реакцию прихожан в обоих церквях трудно описать словами, как я уже сказал. Это уже не было тихое всхлипывание, это был шум огромной бури, громкие восклицания и жалобы. «Господи, помоги нам! Бедный народ Ингерманландии! Как много он потерял в лице пробста Лауриккала! Конечно, мы будем бороться, чтобы исправить случившееся, вот только сможем ли добиться результата, это неизвестно. Но мы не перестанем надеяться даже в безвыходной ситуации!»

Сразу же после отъезда пробста прихожане приступили к активным действиям. На собраниях, созванных специально по этому вопросу, особенно активно выступали женщины. Они смело и настойчиво требовали возвращения пастора. Мужчинам в то неспокойное время нужно было быть очень осторожными в высказываниях. В приходах, которые опекал Лауриккала были проведены собрания и выбраны делегаты для новой поездки в Москву. Делегаты от приходов везли заявление, под которым стояли подписи 20 000 прихожан. Семеро делегатов с огромной папкой бумаг приехали к народному комиссару иностранных дел. Им тогда был Чичерин. По его мнению, высылать из страны человека, прожившего в ней более 20 лет, было неправильно. Его помощник спросил, действительно ли пастор готов вернуться. Делегаты приходов протянули ему собственноручное заявление пастора, где Лауриккала обещал вернуться, если получит на это разрешение. После этого представителям приходов пообещали, что незамедлительно пошлют телеграмму в Посольство СССР в Хельсинки. Таким образом снова появилась надежда на возвращение Лауриккала.

Ялмари Лауриккала вернулся на родину, с которой уехал десять лет назад. А уже в среду, второго ноября, газета города Турку Abo Underrättelser написала, что в Советском Союзе арестован последний финский пастор, но в Москве обещали освободить его и дать возможность продолжить служение. Со стороны Советского Союза ответили, что Лауриккала уехал вовремя, хотя ему и было выдано разрешение на пребывание еще на год. Нужно отметить, что когда делегаты приходов спросили в Москве, почему о продлении разрешения не было сообщено, им ответили, что просто забыли это сделать. Так с помощью официальных лиц Финского государства (Вяйно Таннери был тогда премьер-министром, а Вяйно Войонмаа — министром иностранных дел) пробст Лауриккала смог продолжить

свое служение. Его пригласили в Посольство Советского Союза в Хельсинки, где сообщили, что он может беспрепятственно вернуться в свой приход. После пяти недель пребывания на родине руководитель Церкви Ингрии вернулся к своей церкви, где его с нетерпением ждали.

Это пребывание на родине не прошло в простом ожидании, но стало важным и полезным этапом в жизни пастора. 28.11. Ялмари Лауриккала сдал пасторский экзамен в капитуле Тампере, на что у него не было раньше времени и приобрел квалификацию, позволяющую занимать пасторские должности в приходах Финляндии. Темой пасторской дипломной работы он выбрал свое служение, она называлась «Евангелическо-лютеранская финская Церковь Ингрии в течение 10-летнего правления советской власти 7.11.1917-7.11.1927». Из-за этого экзамена пробст Лауриккала считал свою высылку Божьим Провидением, и никогда не жалел о том, что поехал в Финляндию тогда.

В течение всех этих недель супруга пастора занималась исключительно приемом гостей. Каждый день 11-часовой поезд привозил на станцию Всеволожска группы людей, которые приходили в пасторат, чтобы узнать, когда вернется Лауриккала. С такими же вопросами в любое время приходили и жители окрестных сел.

Радость прихожан ингерманландских приходов была огромной, когда душепастырь смог вернуться к своему служению. Вначале ему дали разрешение на пребывание всего на месяц. Тогда это было обычной практикой — давать сначала разрешение на короткий срок. Затем его продлевали из года в год в течение десяти лет. По возвращении в СССР Ялмари Лауриккала провел свое первое богослужение в финском приходе Ленинграда. Это было 11 декабря. Церковь была празднично украшена цветами, а радость от встречи была неописуемой!

* * *

Безбожники, конечно, были другого мнения по поводу возвращения Лауриккала. В то время, в конце НЭПа, в 1927, власти стали относиться к церкви более жестко. По соседству с пасторатом находились два центра безбожников, которые усложняли жизнь обитателей пастората. В бывшей усадьбе Ряяпювя, до которой от пастората было пять минут ходьбы, действовал сельскохозяйственный и овцеводческий техникум, учителями в котором были финские красные переселенцы и яростные безбожники. Самым нахальным из них был учитель политики К.Венто, который много раз издевался над Лауриккалой в газете «Свобода» (Vapaus) и в своей книге «Как финское священство «строит» социализм». Каждый раз, когда выходили в свет очередные издевательские статьи, прихожане утешали друг друга словами: «Чем больше издеваются, тем ярче будет сверкать венец!». Большая часть земель усадьбы принадлежала коммуне «Труд», большинство которой составляли финны из Америки. Они приехали с большими надеждами, но вскоре поняли свою ошибку. Всех их раздражало соседство с пасторатом и возвращение настоятеля. Вскоре после возвращения Лауриккала по соседству случилось два больших пожара. В ночь с 16 на 17 декабря дотла сгорело главное здание техникума. А вскоре, на Рождество огонь уничтожил завод, принадлежащий коммуне «Труд». После этого поползли слухи, что это пастор в Финляндии получил задание уничтожить здание. На головы обитателей пастората полились целые потоки лжи. Их называли вредителями и контрреволюционерами. Прихожане, конечно, защищали и поддерживали своего пастора, да и многие коммунисты понимали всю абсурдность этих обвинений.

Одним из самых непримиримых в коммуне американских финнов «Труд» был кузнец по фамилии Виитала. Он считал, что советская власть обходится с

церковью и священниками слишком мягко. Этого кузнеца затем выбрали представителем коммуны «Труд» в совете деревни Румпали, к сфере власти которого относился и пасторат. На этой должности Виитала старался сделать все возможное, чтобы усложнить жизнь семье пастора. Он издевался над ними на каждом собрании, пытался возложить на их плечи невозможные трудовые повинности и огромные налоги. Кроме того, он придумывал различные наговоры и лживые обвинения, и в конце концов, добился того, что Лауриккала был вызван в суд. Судебное заседание, проходившее в июле 1929 года, вел судья-коммунист. Там же присутствовали еще двое юристов. Однако сам Виитала не явился, чтобы засвидетельствовать свое обвинение лично. Решение суда гласило: «Освободить Лауриккала, как невиновного». Многие потом обвиняли судью, не осудившего пастора.

В том же 1929 году случилось следующее испытание. Совет назначил пробсту Лауриккале, которого коммунистические газеты называли не иначе, как «известным своими доходами», такие огромные налоги, что и годовой зарплаты пастора не хватило бы, чтобы заплатить их. Налогообложение было в то время одним из средств, с помощью которых расправлялись с церковными работниками. Лауриккала заплатил столько, сколько смог, но всю сумму он был не в состоянии выплатить. Результатом этого стало то, что все имущество пастора, включая одежду, было описано и пущено на продажу через аукцион. В тот день пастор находился в приходе Хиетамяки по церковным делам. Прихожане знали об этом, поэтому члены приходов Ряяпювя и Келтто пришли в дом пастора и приняли участие в аукционе, выкупая те вещи, которые считали для пастора особенно нужными. Когда половина вещей уже была распродана, вышло распоряжение остановить аукцион, потому что дело требует дополнительного расследования. Однако результатом расследования стало решение, что заплатить все же нужно всю сумму. Прихожане пришли на помощь пастору, собрав необходимые деньги, с помощью которых Лауриккала смог уплатить налог и сохранить свою должность.

В феврале 1930 года вышло распоряжение направить кого-нибудь из пастората на работу в лес. За невыполнение этого распоряжения следовало суровое наказание. Но ни пробст, ни его супруга не могли рубить деревья. А поскольку они были иностранцами — гражданами Финляндии — им разрешили в порядке исключения нанять кого-нибудь на эти работы вместо себя.

* * *

Выше были описаны некоторые из главных событий в жизни Сайми и Ялмари Лауриккала в период с 1917 по 1930 год. Но и повседневная жизнь обитателей пастората была в те годы далекой от спокойствия и размеренности. Много было мелких неприятностей, издевательств и насмешек. Поскольку пастор часто был в разъездах, всю основную нагрузку в доме несла его супруга. Именно ее старались запугать, чтобы заставить семью пастора уехать. Даже наняли одного пьяницу, который приходил к пасторату и устраивал мелкие пакости. Он заглядывал в окна, пугал маленького сына пастора, дразнил собаку. А когда на собрании деревни женщины из прихода потребовали оставить семью пастора в покое, председатель, ранее упомянутый Венто с издевкой сказал: «Да он просто на жену пастора «запал»!». Были и доносчики, периодически случались кражи. Жизнь была неспокойной, полной тревог и переживаний. Порой все это казалось просто невыносимым. Едва ли в то время было в их жизни что-то положительное, что-то делающее жизнь проще и радостнее. Прихожане были сильно привязаны с пастору и его семье, и много раз доказывали свою любовь делом, они всегда бросались на помощь. Сайми Лауриккала держалась, как могла.

Однако осенью 1930 года настоятелю все же пришлось окончательно покинуть ставший уже таким родным маленький пасторат, где они пережили так много. Последний оставшийся в ведении прихода пасторат в Ингерманландии переходил новому хозяину. В нем решили разместить народную школу. Ранее уже рассказывалось о том, что опечаленные прихожане Ряяпювя 8 октября отвезли на лошади семью пастора в Ленинград, где те получили новую квартиру. Много прихожан пришло попрощаться с пасторской семьей. Прощание было тяжелым для всех. Все чувствовали, что постепенно церковная жизнь будет прекращена по всей Ингерманландии. Утешало лишь то, что пробст по-прежнему оставался настоятелем прихода Ряяпювя и будет приезжать из Ленинграда проводить богослужения. А прихожане смогут, приезжая в Ленинград, посещать своего душепастыря в его новой квартире.